

личностей) — именно оно выступает, конечно, источником гоголевского комизма, нередко приобретающего, как показывает исследователь, сильный сатирический оттенок.

Серьезными представляются аргументы против тезисов об аморфности композиционной структуры «Мертвых душ».

Известны суждения также о некоторой неслиянности в «Мертвых душах» противоположных авторских идейно-эмоциональных оценок. Книга М. Б. Храпченко доказательно и широко определяет единство всех элементов содержания и стиля повести, например внутреннюю связь комического и трагического в «Мертвых душах».

Творческая судьба Гоголя после создания первого тома «Мертвых душ» была, как известно, очень драматической и сложной. В монографии четко воссоздана картина духовной драмы великого художника в последние годы его жизни, оценено истинное значение знаменитого письма Белинского Гоголю по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями». Это имеет актуальное значение, поскольку не только в зарубежной историографии, но и в нашей критике в последнее время предпринята попытка оценить данное письмо как серьезное заблуждение Белинского.

В первом томе указанного собрания сочинений впервые публикуется глава, где характеризуется судьба творческого наследия Гоголя в XX в. Хорошо понятна актуальность этих страниц, особенно если учесть необычайно возросший ныне во всем мире интерес к творчеству гениального писателя.

Здесь четкая систематизация наиболее заметных суждений об авторе «Ревизора» и «Мертвых душ» — как неверных, так и точных. Мережковский, Брюсов, Белый, Томас Манн, Набоков — один только перечень этих имен, представляющих разные явления идеологии и культуры, не может не привлечь пристального читательского внимания к соответствующим страницам монографии. Книга хорошо показывает идеологический смысл «модернистского наступления» на Гоголя. В ней дана ясная характеристика и плодотворного восприятия творчества Гоголя за рубежом, прежде всего в социалистических странах.

Книга М. Б. Храпченко о Гоголе всем своим исследовательским пафосом утверждает величие реалистической традиции гоголевского искусства, которое навсегда останется одной из вершин русской и мировой художественной культуры.

В центре историко-литературных интересов М. Б. Храпченко давно находилось и другое колоссальное явление нашей национальной и всемирной культуры — творчество Льва Толстого. Первое издание его книги «Лев Толстой как художник» появилось в 1963 г. и сразу же было оценено как новое слово о гении отечественной литературы.

Ориентация на историко-литературный контекст, в котором только и можно понять художника, в книге о Толстом получила дальнейшее развитие и конкретизацию. Неудивительно поэтому, что и имя Гоголя можно встретить здесь много раз.

Ученый опровергает концепцию В. Розанова (имеющую своих приверженцев в зарубежном литературоведении и поныне), согласно которой между Толстым и Гоголем не было преемственных связей. Понятно, что здесь важны и ссылки на соответствующие признания самого Толстого, но еще более существенны выводы исследователя о восприятии Толстым тех творческих принципов Гоголя, суть которых в «смелой приверженности истине, умении бескомпромиссно выразить правду жизни, вопреки господствующим представлениям и суждениям».

Разумеется, имя Гоголя постоянно соседствует с именами Пушкина, Лермонтова, Салтыкова-Щедрина и иных классиков, сопоставляемых с Толстым. Очень важна при этом сама тенденция расширения историко-литературных аналогий. Последние в книге всегда интересны и оригинальны.